

14. ДАХО. – Ф.Р.4405. – Оп.1. – Спр.2а.
15. ДАХО. – Ф.Р.4405. – Оп.1. – Спр.9.
16. Головкин А. Б. Харьковский мидеевист Николай Макарович Пакуль (1880 – 1953) / А. Б. Головкин // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2014. – Вып.1.
17. ДАХО. – Ф.Р.4405 – Оп.1. – Спр.32.
18. Укрпрофобр (рос.) – Український відділ професійної освіти.

УДК 323''19''/316.454.3(477.54)

Салтан Н. Н.

(г. Харьков)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЖИТЕЛЕЙ ХАРЬКОВА В 20-х ГОДАХ XX СТОЛЕТИЯ

Трансформация ценностных ориентаций жителей Харькова в 20-х гг. XX ст. Статья посвящена проблеме ментальных трансформаций жителей Харькова в 20-е годы XX ст. Доказывается, что попытки создания коллективистской морали в этот период, успеха не имели. В повседневных практиках большинство людей, продолжало пользоваться моделями поведения, основанными на индивидуализме, унаследованного от прошлой эпохи.

Ключевые слова: индивидуализм, коллективизм, социалистическая мораль.

Transformation of value orientations residents in Kharkiv in the 20s of XX-th century. The article deals with the mental transformations residents in Kharkiv in the 20s of XX-th century. It is proved that attempts to create a collectivist morality in this period, were not successful. In everyday practice, most people continued to use the patterns of behavior based on individualism inherited from a bygone era.

Keywords: individualism, collectivism, socialist morality.

Трансформація ціннісних орієнтацій мешканців Харкова у 20-х рр. XX ст. Стаття присвячена проблемі ментальних трансформацій жителів Харкова у 20-ті роки XX ст. Доводиться, що спроби створення колективістської моралі в цей період, не мали успіху. У повсякденних практиках більшість людей, продовжувало користуватися моделями поведінки, заснованими на індивідуалізмі, що були успадковані з минулої епохи.

Ключові слова: індивідуалізм, колективізм, соціалістична мораль.

Актуальность данной тематики обусловлена почти полным отсутствием идеологически незаангажированных, правдивых исследований посвященных формированию мировоззрения рядовых граждан в период становления советской власти.

Активизация исследований по истории ментальных трансформаций проходит в рамках истории повседневности, которая стала методологической

основой для данной работы. Новейшая украинская историография только начинает изучение этой темы. Исследованию личности как субъекта общественных отношений посвящены научные труды Н. Т. Гогохии, О. Л. Рябченко, В. И. Прилуцкого [1, 8, 9]. Их работы позволили увидеть обыкновенного человека, освободиться от доминировавшей в советской историографии традиции описания индивида как социально сознательного субъекта, руководствующегося в своих действиях исключительно общественными интересами.

В условиях формирования в нашей стране новой системы ценностей, влияющей на процесс социализации человека, изучение данной темы, позволяет учесть опыт прошлого, накопленный в 20-е годы прошедшего века. Следовательно, целью данной статьи, является стремление выявить, как соотносилось коллективное и индивидуальное в поведенческой мотивации жителей Харькова в 20-х гг. XX ст.

В Советском Союзе была искусственно создана квазиэтическая система, которая опираясь на идеи марксистской этики, проповедовала идеи всеобщего равенства, приоритета коллективного над индивидуальным, добросовестный труд на благо общества, нетерпимость к нарушению социальных норм и т.п.

Был разработан комплекс мероприятий, направленных на формирование определённого культурного уровня: введено обязательное 7-летнее образование, создана сеть рабочих клубов, осуществлялась пролетаризация высшей школы. Целая пропагандистская система была направлена на формирование общественного сознания. Средствами воспитания, кроме разного рода собраний, становились радио, пресса, культурные и образовательные учреждения. Так, в учебных заведениях вводился обязательный социально-политический минимум. Направлениями деятельности рабочих клубов стали разъяснение задач, стоящих перед советской властью, а также пропаганда идей марксизма–ленинизма.

Причиной пристального внимания большевиков к вопросам формирования новых ценностных ориентиров стали низкий культурный уровень рабочих и крестьян, а также особая роль морали как одного из столбов советской системы, цементирувавшего сознание человека в определённых рамках.

Между тем, в обществе глубоко укоренились определённые моральные устои и стереотипы поведения, которые десонировали с новыми идеями. От мелких, незначительных проявлений, порождённых элементарной

невоспитанностью, до таких форм девиантного поведения, которые попадали под статьи уголовного кодекса.

Например, в городе была создана сеть библиотек, которые активно посещались как харьковчанами, так и приезжими, работающими на городских предприятиях. Но многие рабочие, а особенно крестьяне, так и не научились обращаться с книгами. Месяцами задерживали или возвращали с вырванными листами («на цыгарки»), измятыми переплётками и т.п. [3, с. 64]. Молодые девушки часто просто-напросто вырезали из книг, понравившиеся им стихотворения. Поэтому значительную часть литературы приходилось изымать из обращения.

К серьёзным нарушениям норм общественного поведения относились коррупция, факты занятия проституцией, массовый алкоголизм и т.п. Известный литературовед и общественный деятель Сергей Ефремов в своём дневнике 5 декабря 1925 г. сделал такую запись: «Уже второй месяц в Харькове тянется судебное дело над судьями-взяточниками. Около сотни обвиняемых, почти все партийные, заслуженные перед революцией люди. Страшная картина упадка и деморализации» [4, с. 306]. В 1928 г. в газете «Харьковский пролетарий» была напечатана серия статей, резко критиковавшая установленную практику приёма в ВУЗы по письменным просьбам чиновников.

Постулаты коммунистической этики, несмотря на все старания власти, в этот период, так и не смогли стать внутренней мотивацией в отношениях человека к окружающей действительности. Честность, взаимопомощь, моральная чистота и патриотизм резко контрастировали с моральными характеристиками рядового обывателя.

Индивидуализм, позиционировавшийся основной характеристикой буржуазной морали, в завуалированном виде всегда присутствовал в советском обществе. Как свидетельствуют архивные источники второй половины 1920-х гг. выходцы из села отличались аполитичностью и прагматичностью. Они не принимали участия в производственных собраниях, прежде всего их, интересовал собственный заработок. [2, л. 141 об.]. Украинский историк В. И. Прилуцкий считал, что такие же взгляды были присущи и для молодёжи, которая была занята в кустарно-ремесленной промышленности. [8, с. 97].

А. В. Луначарский ещё в 1929 году в своём докладе «Культурная революция и общественность» подчёркивал: «Наш враг – это наше азиатское варварство, наша отсталость ... Передовые люди, передовые силы и передовые дела наши окружены промозглой обывательщиной. Эта промозглая

обывательщина с её собственническими и религиозными предрассудками, с её пьяным бытом, с её развратным семейным укладом, с её шипением против советской власти отравляет наши действия, отравляет наши массы» [5, с. 59]. Отбросив пафосность советской риторики, мы можем определить главную причину неудач пропагандистской машины – привычные для человека модели повседневного поведения.

Большое количество материально-бытовых проблем для решения, которых надо было «поработать локтями», не способствовало установлению приоритета коллективного над индивидуальным.

На формирование сознания оказывали влияние возрождение принципов рыночной экономики в годы Новой экономической политики, а также близкая к НЭПу индивидуалистическая психология сельских жителей. Активный рост городского населения во второй половине 1920-х годов происходил за счёт сельских мигрантов, приезжавших в город сначала на сезонные заработки, а потом и на постоянное место жительства. Приспосабливаясь к условиям городской жизни, они не спешили менять свои узкособственнические взгляды.

Одной из наименее изученных сфер проявления индивидуализма, выступает отношение советских граждан к возможности получить общеобразовательные и специальные знания.

Большевики рассматривали знание как необходимое условие общественного прогресса. На протяжении 1920-х гг. проводилась развёрнутая кампания «Долой неграмотность!». Для обеспечения растущих промышленных потребностей была создана разветвлённая сеть профессиональных учебных заведений.

Советская историография обуславливала мотивы деятельности рядового гражданина, исключительно, изменением его сознания, выдвинув на передний план гражданский и производственный патриотизм. Между тем, как стремление к карьерному росту и повышению собственного благополучия зачастую становились более весомыми стимулами для приобретения определённой специальности или повышения собственного профессионального уровня.

Российские исследователи С. П. Постников и М. А. Фельдман в монографии «Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг.» предложили следующую классификацию мотивов. Профессиональное образование рассматривалось, как способ выйти в люди, как своего рода развлечение (речь шла о детях состоятельных родителей - прим. авт.), наиболее

сознательные связывали процесс овладения знаниями с заданиями социального переустройства общества [7].

Не менее весомым стимулом выступала и материальная выгода. Экономисты и статистики 1920-х гг. однозначно считали, что квалификация работника влияла на его заработок, хотя существовала уравнительная тенденция к распределению заработной платы [10].

Более высокая заработная плата служащих, стремление к «лёгкому и чистому труду», а также доступность образования для выходцев из социальных низов, обусловили популярность индустриально-технического образования. В институтах и техникумах технического профиля стипендии были выше, что существенно влияло на их популярность среди абитуриентов.

В условиях крайне низкого общеобразовательного уровня подготовки населения знания становились своеобразным культурным капиталом, который ставил их обладателя в привилегированное положение. Диплом автоматически способствовал карьерному росту его обладателя.

Как с государственной, так и с обывательской позиции формирование новой элиты носило резкий классовый характер. Советский специалист противопоставлялся старой царской интеллигенции. Об этом свидетельствуют советские неологизмы, где пренебрежительное отношение к старой интеллигенции нашло выражение в слове «интеллигентяйничество».

Низкие культурные, в том числе и образовательные стандарты нового времени, гиперболизация классового подхода и приоритет партийности над образованностью привели к тому, что изменилось отношение к знаниям. Это констатировала учительница Е. Мигулина в своём письме к наркому образования Н. А. Скрыпнику (1927 г.): «Послушайте старую беспартийную учительницу. Я готовлю к вузам комсомольцев, партийцев, детей рабочих и крестьян ... На меня всегда ужасное впечатление производит отношение современной молодёжи к вопросу поступления в вуз... Они говорят: это от буржуазии требуют знаний, а мы и так пройдем по классовому признаку. Я, рабочий или комсомолка, с меня нечего спрашивать ... Вы проходите со мной только то, что спрашивают на экзамене; всё другое мне не надо ... Пролетарскую молодёжь разбаловали. Это не стремление к знанию, это преимущественно тяга к образованию ...» [6, с. 58].

Инструментальный характер образования, когда оно становилось не так целью, а больше способом для достижения цели, негативно отразился на экономическом и культурном развитии советского общества.

В условиях формирования тоталитарной системы, где отклонение от норм каралось не только общественным порицанием, но и было уголовно наказуемым, люди стали декларировать заданные партией моральные принципы, что привело к появлению феномена двойной морали.

Таким образом, для советского общества характерным стало усиленное внимание к моральному воспитанию граждан. В условиях, когда сознание большинства харьковчан формировалось под влиянием старых порядков, новые ценности, стандарты поведения и мышления внедрялись достаточно медленно. Коррозийные процессы, связанные с коренным преобразованием общества изменяли сознание большей частью молодых людей. Несмотря на негативное отношение к индивидуалистической морали капитализма, во многих бытовых ситуациях человек пользовался старыми моделями поведения.

Литература

1. Гогохія Н. Т. Українське радянське місто 1929–1938 рр.: історико-соціальний аналіз : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук: спец. 07.00.01 «Історія України» / Гогохія Нані Тамазівна. — Луганськ, 2003. — 20 с.
2. Государственный архив Харьковской области. — Ф. Р1010. — Оп.1. — Д. 1542. — 245 лл.
3. Ефимов Н. Что читает рабочий? Книги и журналы / Н. Ефимов // Рабочий клуб. — 1925. — №11. — С. 62–64.
4. Єфремов С. Щоденники : 1923–1929 / Сергій Єфремов. — К. : Рада, 1997. — 848 с. — (Серія «Мемуари»).
5. Луначарский А. В. О коммунистическом воспитании / А. В. Луначарский; сост. Е. В. Квятковский, О. Д. Кавашкина. — К. : Рад. школа, 1977. — 142 с.
6. Мірошніченко М. І. До початків формування робітничо-селянської інтелігенції в Україні в 20-ті роки / М. І. Мірошніченко, В. І. Мірошніченко // Український історичний журнал. — 1993. — № 10. — С. 65–68.

7. Постников С. П. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. / С. П. Постников, М. А. Фельдман. — М. : РОССПЭН, 2009. — 367 с.
8. Прилуцький В. І. Молодь України в умовах формування тоталітарного ладу (1920–1939 рр.) / В. І. Прилуцький. — К. : Ін-т історії НАН України, 2001. — 249 с.
9. Рябченко О. Л. Студенти радянської України 1920–1930-х рр. : практика повсякденності та конфлікти ідентифікації : монографія / О. Л. Рябченко — Х. : ХНАМГ, 2012. — 456 с.
10. Тер-Гевондян А. Вивчення кваліфікаційних пересунень робітників на підприємстві / А. Тер-Гевондян // Робітнича освіта. — 1931. — № 1–2. — С. 110–120.

УДК [373.31(410)]«18»

Мокроменко О. В.

(м. Харків)

**ПРИВАТНА ІНІЦІАТИВА, ПРОСВІТНИЦЬКА ДІЯЛЬНІСТЬ
Й БЛАГОДІЙНІСТЬ В ЕЛЕМЕНТАРНІЙ ОСВІТІ
ВЕЛИКОЇ БРИТАНІЇ ХІХ СТ.**

У статті висвітлюється питання приватної ініціативи, благодійності та просвітницької діяльності в елементарній освіті Великої Британії ХІХ ст. Визначено роль приватної ініціативи та просвітницької діяльності у процесі становлення та розвитку елементарної освіти у Великій Британії ХІХ ст.

Ключові слова: приватна ініціатива, просвітницька діяльність, елементарна освіта.

В статье освещается вопрос частной инициативы, благотворительности и просветительской деятельности в деле элементарного образования Великобритании ХІХ в. Определена роль частной инициативы и просветительской деятельности в процессе становления и развития элементарного образования в Великобритании ХІХ в.

Ключевые слова: частная инициатива, просветительская деятельность, элементарное образование.

The article deals with the issue of the private initiative and the educational activities and charity in the elementary education of Great Britain in the 19th century. The contribution of private initiative and educational and charity activities made for the formation process and elementary